

Антиминс под открытым небом

В этом году исполнилось 15 лет со дня установления празднования в честь Собора новомучеников и исповедников Казахстанских. Более двух сотен человек были канонизированы. Тех, кто пострадали за веру в годы богоборчества на Казахстанской земле и не прославлены, значительно больше. Патриарх Алексей II, посетив в 1995 году Казахстан, назвал этот многострадальный край «антиминсом, распростертым под открытым небом». В древних тюркских степях, где в прошлом не было ни одного явленного святого, благодаря страданиям многих архиереев, священников, монахов и мирян родилась Церковь мучеников и исповедников Казахстанских, которая именуется в посвященной им службе «Пустынной невестой Агнца Божия».

Первомученик на землях Казахстана

Епископ Семиреченский и Верненский Пимен (Белоликов) был назначен викарием Туркестанской епархии в июле 1917 года. Его тепло встретили в городе Верный (до 1921 года так назывался город Алма-Ата) духовенство и горожане. Владыка возобновил в Народном доме воскресные дневные чтения для прихожан, на которых говорил о бедствиях революционного времени, объяснял опасность атеистической идеологии и незаконных преобразований, происшедших вследствие переворота. В связи с возведением на Патриарший престол святителя Тихона (Беллавина) в декабре 1917 года владыка Пимен собрал в своих архиерейских покоях съезд верненского духовенства, посвященный осмыслению значимости этого события.

После установления власти Советов в марте 1918 года в городе Верном началась Гражданская война. Архипастырь организовал церковное шествие с иконами и колокольным звоном и сам стал во главе его, направляясь с народом к месту расположения казаков, где отслужил молебен и призвал к миру. В Светлую седмицу 1918 года он провел еще два массовых крестных хода от кафедрального собора города к храмам казачьих станиц с призывом к миру. Верненский архиерей одновременно подавал пример истинной гражданской ответственности, организовав помощь голодающим детям.

Владыка Пимен был неудобен новой власти. Он осудил принятый большевиками декрет о гражданском браке, выступал за сохранение преподавания Закона Божия в школах, встал на защиту церковных ценностей во время их изъятия летом 1918 года.

Шестнадцатого сентября 1918 года епископ был арестован красноармейцами карательного отряда Ивана Мамонтова и без суда и следствия в тот же день тайно расстрелян в роще Баума за городом. Весть о том, что епископа арестовали, мгновенно облетела город. Правящий архиепископ Туркестанский и Ташкентский Иннокентий обратился к большевистским властям с запросом о местонахождении владыки. Представители Семиреченского исполкома, стремясь скрыть факт самоуправства, напечатали приказ в «Вестнике Семиреченского

*Епископ
Семиреченский
и Верненский
Пимен*

трудового народа» с ложной информацией, перемежавшейся с угрозами всем сочувствующим: «За контрреволюционные выступления против Советской власти и как враг трудового народа и крестьянской бедноты архиерей Пимен подлежит высылке из пределов Семиреченской области, что 16 сентября и исполнено. Все сторонники, защитники и приспешники высланного контрреволюционного архиерея Пимена объявляются контрреволюционерами и будут наказываться с применением мер военного времени».

Где похоронили владыку, до сих пор неизвестно. На месте его гибели сразу стали собираться верующие для молитвы — сначала тайно, затем не таясь. В 1998 году на 80-летие его кончины на этом скорбном месте был поставлен гранитный обелиск. В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви епископ Семиреченский и Верненский Пимен был прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской. День его мученической кончины — 16 сентября — стал днем его почитания. В первое воскресенье после этой даты установлено празднование Собора новомучеников и исповедников Казахстанских. И теперь

*Вознесенский
кафедральный
собор в городе
Алматы,
где впервые
в 2004 году
было совершено
богослужение
в честь Собора
Казахстанских
святых (слева)*

каждый год в этот осенний день множество священнослужителей и прихожан во главе с митрополитом Астанайским и Казахстанским Александром собираются в роще Баума, чтобы вознести молитву священномученику Пимену.

Приют для епископов

С конца 1920-х и в 1930-е годы Алма-Ата становится крупнейшим пересыльным пунктом ГПУ НКВД, куда прибывали заключенные со всей страны. Отсюда они, получив распределение в лагерь или ссылки, отправлялись дальше по этапу. Пока люди ожидали направления, им надо было где-то устроиться. Рассчитывать, что их возьмут жить в квартиры, не приходилось, поскольку местное население было запугано. Находили они приют в Никольском храме. Одной из старейших церквей города, построенной в 1908 году в районе Кучугуры, суждено было стать спасительной обителью для гонимых и измученных людей. Во время

Икона Святых
исповедников
Николо-
Кучугурских

богослужений храм был переполнен верующими, а алтарь — священнослужителями, поскольку вместе с клириками храма молились и прибывавшие в ссылку репрессированные священники и архиереи.

В 1920-е годы алма-атинские храмы стали захватывать обновленцы, и к началу 1930-х годов на некоторое время устоял лишь один Никольский храм. Здесь принимали всех скорбящих и нуждающихся, кормили, обстирывали, давали приют. В цокольном этаже, где позже будет обустроен нижний храм в честь Успения Божией Матери, стояла русская печь. Здесь устраивали на ночлег ссыльных. Настоятелем тогда был Александр Скальский, один из самых деятельных священников в городе в то время, яркий проповедник, который самоотверженно помогал заключенным и привлекал к этому своих прихожан. Он и его сослуживцы протоиереи Стефан Пономарев, Филипп Григорьев вскоре пострадали за веру. Все трое были арестованы в декабре 1932 года, их допрашивали целый месяц, а затем поместили в тюрьму в тифозную камеру, отчего они вскоре скончались. Юбилейным Собором 2000 года Николо-Кучугурские убиенные протоиереи также причислены к лику святых.

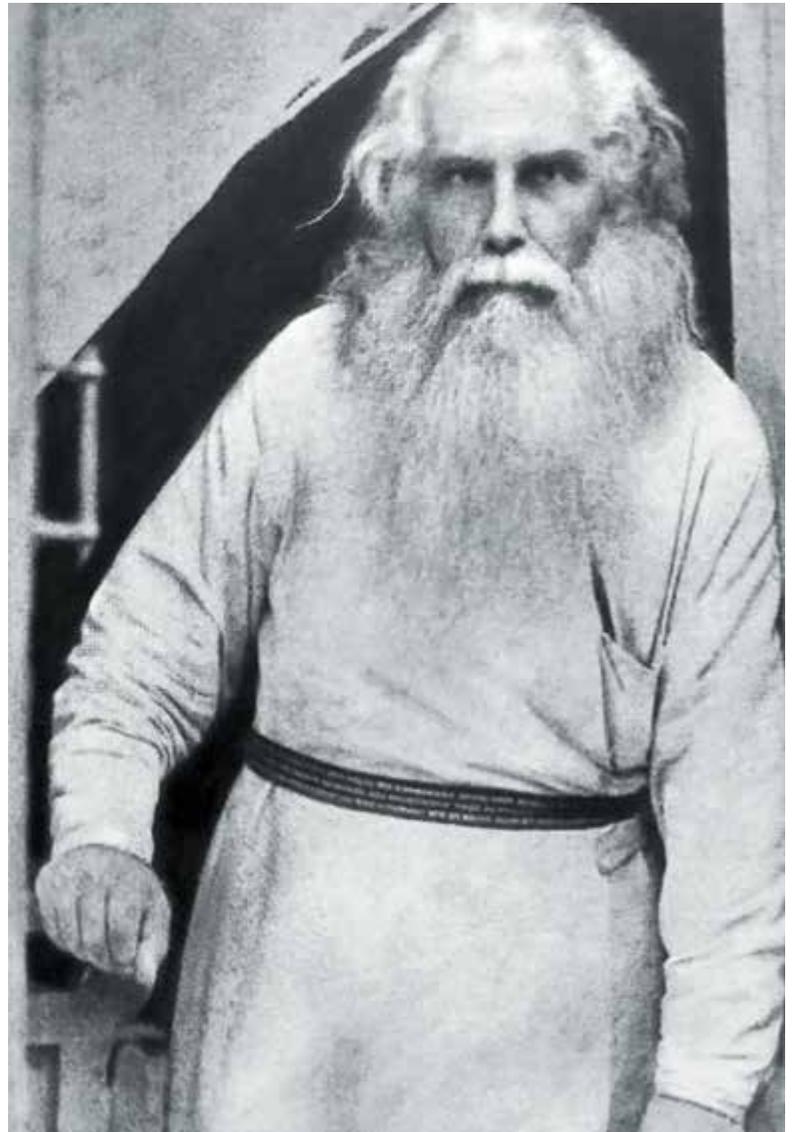
Старушки помогли выжить

В 1936 году Никольский храм был закрыт, в его помещении размещался музей атеизма, во время Великой Отечественной войны устроили конюшню, а в цокольном этаже, где раньше спасались ссыльные, разместились бойцы штрафной роты. Таким образом, в городе не осталось ни одного действующего храма. В октябре 1937 года расстреляли епископа Алма-Атинского Тихона (Шарапова), и к концу года Алма-Атинская епархия фактически прекратила свое существование. Вопрос о возрождении церковной жизни начал решаться незадолго до окончания войны. В 1944 году Казахстан был включен в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Она была территориально слишком велика, и в июне 1945 года постановлением Священного Синода была образована Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой был назначен досрочно освобожденный из ссылки архиепископ Николай (Могилевский).

Он начинал свое архиерейское служение епископом Каширским, а затем управлял Тульской и Одоевской епархией, где вел борьбу с обновленчеством, за что был впервые арестован в мае 1925 года. Затем его несколько раз освобождали, а вскоре давали новый срок. В июне 1941 года владыка был сослан в Казахстан на пять лет в отдаленный город Челкар, его привезли туда на поезде и высадили ночью на перрон в нижнем белье и рваном ватнике. Местные старушки нашли ему одежду, одна из них поселила владыку в своем доме в хлеву, даже не подозревая, что принимает епископа, а он по смирению и не сказал ей об этом. На работу его не брали, и он был вынужден собирать милостыню. От недоедания и голода он так ослаб, что однажды на улице потерял сознание, а очнулся в больнице, где его выносили. После выписки он стал жить в доме местного жителя, пожилого татарина, который его, полуживого, и привез в больницу. Позже, когда духовные чада спрашивали у митрополита Николая, почему он не сказал тем, кто помог ему выжить, что он епископ, владыка отвечал, что если Господь посылает крест, то Он же дает силы, чтобы его нести, и нужно не проявлять свою волю, а всецело предаться воле Божией.

В мае 1945 года архиепископ Николай был досрочно освобожден из ссылки и в июле того же года постановлением Священного Синода назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. Прибыв на место, он стал ходатайствовать об открытии Никольского храма. И в 1946 году его передали общине верующих — без крестов, с разрушенными куполами и без колокольни, ни иконостаса, ни икон. Усилиями архипастыря и прихожан храм был восстановлен. Одной из главных задач своего служения владыка считал открытие новых приходов. При нем открывались церкви и молитвенные дома. В феврале 1955 года архиепископ Николай был возведен в сан митрополита.

Ровно десять лет он возглавлял Алма-Атинскую епархию, почив 25 октября 1955 года. Митрополит Николай хотел быть погребенным под алтарем Никольского храма, но местные власти не разрешили. Его похоронили на городском кладбище. Всю дорогу от храма до кладбища — семь километров — гроб люди несли

*Митрополит
Кирилл (Смирнов)
в ссылке*

на руках. Около сорока тысяч человек пришло проститься с любимым архиереем. В 2000 году на Юбилейном Соборе митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай был причислен к лику святых, а 8 сентября того же года состоялось обретение честных мощей священноисповедника, которые были торжественно перенесены в Никольский храм.

Храм в саманном домике

В 1930–1950-х годах в Казахстане находилось одно из самых страшных подразделений ГУЛАГа — Карлаг (Карагандинский исправительно-трудовой лагерь). Среди его узников было немало православных архиереев, священников, монахов и мирян, принявших смерть за Христа. Шесть лет здесь провел в заключении схиархимандрит Севастиан (Фомин),

*Старец
Севастиан
с духовными
чадами*

которого многие верующие знают как Севастиана Карагандинского, одного из самых почитаемых ныне святых Казахстанской земли.

Будущий старец родился в крестьянской семье и был младшим из трех братьев. Когда ему было четыре года, умер отец, через год мать. Следом за средним братом Романом, принявшим постриг в Оптиной пустыни, он в январе 1909 года поступил келейником к преподобному Иосифу (Литовкину) в Предтеченский скит Оптиной пустыни. После кончины своего наставника стал келейником преподобного Нектария Оптинского (Тихонова). В 1917 году пострижен в мантию с именем Севастиан. В 1918 году декретом Совнаркома Оптина пустынь была закрыта, но монастырь продолжал существовать в качестве сельскохозяйственной артели. В 1923 году богослужения были запрещены, а скит был закрыт. Отец Севастиан, как и большинство монашествующих, перебрался в Козельск, где по благословию старца Нектария стал служить в Ильинском храме. Он решительно противостоял обновленцам, поддерживал связь с бывшей оптинской братией, окормлял многих монахов и монахинь из разоренных обителей, проживавших в городе, а также прихожан, посещавших ранее Оптину.

Это не могло нравиться новой власти. В феврале 1933 года его арестовали; на вопрос следователя, как священник относится к советской власти, он отвечал: «На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей... Нужно молиться, молиться Богу, а также жить в любви, тогда только мы от этого избавимся». Чтобы священник отрекся от веры, его оставляли на ночь на морозе в одной рясе. «Матерь Божия опустила на меня такой "шалашик", что мне было в нем тепло. А утром меня повели на допрос и говорят: "Коль ты не отрекся от Христа, так иди в тюрьму"», — вспоминал он впоследствии свое пребывание в тамбовском ОГПУ.

Отца Севастиана приговорили к семи годам исправительно-трудовых лагерей. Сначала его отправили на лесоповал в Тамбовскую область, а затем перевели в Карагандинский лагерь, в поселок Долинка, куда он прибыл в мае 1934 года. Пройдя школу оптинского старчества, ему суждена была также «духовная академия Карлага», как пишут об отце Севастиане исследователи его жизни.

Из-за слабого здоровья он работал хлеборезом, сторожем складов. В ночные дежурства

никогда не спал, а молился. Приходящее с проверкой начальство всегда заставляло его бодрствующим. В последние годы заключения отца Севастиана расквартировали, и он жил в каптерке, возил на быках воду для жителей Центральных промышленных огородов. Духовные чада навещали его в воскресные дни.

В конце апреля 1939 года отца Севастиана освободили, но он не захотел уезжать из Караганды, считал, что здесь принесет больше пользы. Он остался жить в селе Большая Михайловка неподалеку от города. В 1955 году здесь появился храм Рождества Пресвятой Богородицы, который был переоборудован из приобретенного отцом Севастианом и его духовными чадами саманного домика¹. На крыше соорудили небольшую главку с крестом, но вот поднимать здание власти запретили; тогда священник благословил тайно ночью углубить пол на метр. Весть об удивительном пастыре разнеслась далеко за пределы Михайловки. Со всей России приезжали сюда монашествующие и миряне за духовным руководством, кто-то оставался здесь жить. Отец Севастиан всех принимал с любовью и помогал с устройством на новом месте.

В декабре 1957 года он был возведен в сан архимандрита, в 1964 году награжден архиерейским посохом. Перед кончиной старец принял от своего духовного сына епископа Волоколамского и Юрьевского Питирима (Нечаева) постриг в великую схиму. Старца Севастиана владыка Питирим знал с детства: после ареста отца, протоиерея Владимира Нечаева, иеромонах Севастиан не оставлял его. Владыка Питирим и проводил в последний путь схиархимандрита Севастиана, почившего 19 апреля 1966 года и погребенного на Михайловском кладбище на окраине Караганды.

В октябре 1997 года по решению Синодальной комиссии по канонизации святых и по благословению Патриарха Алексия II состоялось местное прославление в лике святых преподобноисповедника Севастиана Карагандинского. Его святые мощи были обреты и перенесены в храм Рождества Пресвятой Богородицы в Михайловке, а в мае 1998 года перенесены в Свято-Введенский собор, ставший главным храмом Караганды. Когда-то его благословил построить отец Севастиан.

Похороны архимандрита Севастиана (Фомина), Караганда, апрель 1966 г.

Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года его имя было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской для общецерковного почитания.

Сегодня в селе Большая Михайловка можно посетить мемориальную келью преподобного Севастиана Карагандинского.

В 1998 году при храме Рождества Пресвятой Богородицы создан Богородице-Рождественский женский монастырь. Духовник монастыря — архимандрит Петр (Горошко), который был алтарником и водителем у отца Севастиана. Живы и другие свидетели праведной жизни святого, проживающие в Михайловке.

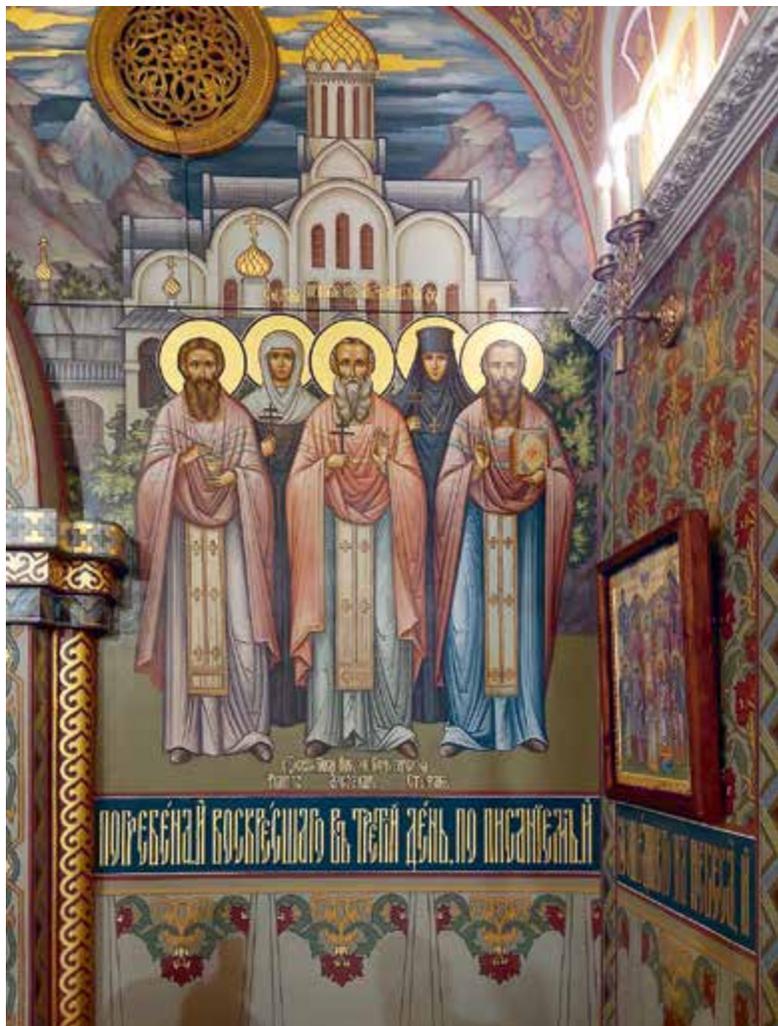
Акмолинские сестры

В сорока километрах от города Акмолинска (ныне Астана, столица Казахстана) в селении Малиновка в 1938 году был создан крупнейший советский женский лагерь — Акмолинский лагерь жен изменников Родины (АЛЖИР), специальное отделение Карлага. Значительная часть заключенных была репрессирована как ЧСИРы — «члены семей изменников Родины». Здесь отбывали срок вдовы расстрелянных военачальников и известных государственных деятелей страны. Среди них Екатерина Калинина, жена председателя Президиума Верховного Совета СССР Михаила Калинина, Анна Ларина, жена члена Политбюро ЦК ВКП(б) Николая Бухарина, Кира Андроникашвили, актриса, кинорежиссер, жена писателя Бориса Пильняка,

Рахиль Мессерер-Плисецкая, актриса кино, мать балерины Майи Плисецкой. Маленькая Майя три года провела в АЛЖИРЕ.

В числе заключенных Акмолинского лагеря были и монахини. Евдокия (Андрианова) подвизалась в одном из монастырей Московской епархии, в 1932-м была арестована на три года, затем в 1937 году уже сроком на восемь лет. Поступила монахиня Евдокия в отделение Карлага АЛЖИР в декабре 1937 года. В лагере была вновь арестована вместе с еще одиннадцатью верующими женщинами-заключенными, получившими ранее сроки от двух до десяти лет. В апреле того же года все они (кроме Иустины Меланич, осужденной на десять лет лишения свободы и умершей в заключении) были расстреляны. Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года монахиня Евдокия и все, проходившие с ней по одному следственному делу, прославлены в лике святых. И сегодня верующие молятся Акмолинским сестрам.

*Святые образы
новомучеников
и исповедников
Казахстанских
в одном
из храмов
Алматы*

Алма-Атинская голгофа

Печально известная далеко за пределами Казахстана Лисья балка, близ города Чимкента, стала местом расстрела и последнего упокоения тысяч православных христиан. Среди них митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), один из видных деятелей Русской Церкви начала XX века. О его духовном величии свидетельствует то обстоятельство, что в 1908 году святой Иоанн Кронштадтский перед смертью просил, чтобы его отпевал именно епископ Кирилл, тогда викарий Санкт-Петербургской епархии. В январе 1925 года, за три месяца до своей кончины, Патриарх Тихон составил завещательное распоряжение, в котором назвал митрополита Кирилла первым из трех кандидатов на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола в случае своей смерти. Вступить в эту должность митрополиту Кириллу не пришлось. Когда хоронили святителя Тихона, он находился в ссылке. Начиная с декабря 1919 года и вплоть до своей мученической кончины в 1937 году владыка почти постоянно находился в заключении. Последним местом его ссылки стал поселок Яны-Курган в Казахстане. В 1937 году архипастырю было предъявлено обвинение в подготовке «активного повстанческого выступления против Советской власти... установления патриаршества и главенства церкви над государственной властью». Владыке следствием приписывалась роль одного из руководителей «контрреволюционной организации», центр которой находился в Чимкенте. Это было так называемое «чимкентское дело», по которому осудили и проговорили к расстрелу и различным срокам заключения шестьдесят четырех человек — монашествующих, белое духовенство, мирян из ссыльных. Расстрелянные в Лисьей балке, и среди них митрополит Кирилл (Смирнов), тут же и были преданы земле. На Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года митрополит Казанский Кирилл был прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Столь же скорбным местом стал полигон Жаналык под Алма-Атой, который называют Алма-Атинской голгофой. Здесь расстреляно и похоронено четыре с половиной тысячи жертв Большого террора; в их числе православные священнослужители, монашествующие

и миряне, среди которых есть уже прославленные святые новомученики. В 2018 году в Жана-лыке открыли музей памяти жертв политических репрессий.

Памяти невинно убиенных

В 1990-х годах началась большая работа по увековечиванию памяти пострадавших за веру на Казахской земле. Сегодня в Казахском митрополицие округе существует десять епархий, в которых действует 345 храмов и девять монастырей. И почти в каждом храме есть иконы со святыми образами новомучеников и исповедников Казахских, они запечатлены и на храмовых фресках. В местах лагерей, расстрельных полигонов и массовых захоронений установлены памятники, храмы и часовни, где не прекращается молитва о тысячах безвинно убиенных. В Астане работает Музей новомучеников Казахских. К открытию готовится музей в Алматы в доме, где жил священноисповедник Николай Алма-Атинский.

Больше тридцати лет ведется научно-исследовательская работа, благодаря которой были

установлены имена многих пострадавших за веру на Казахской земле. В 2018 году по благословению митрополита Астанайского и Казахстанского Александра и митрополита Ташкентского и Узбекистанского Викентия для упорядочения этой информации была создана электронная база данных на портале «Туркестанская Голгофа» о репрессированных клириках и мирянах Русской Православной Церкви, чьи судьбы связаны с Казахстаном и Средней Азией.

Сотрудник отдела по канонизации святых Алма-Атинской епархии **Максим Ивашко** рассказывает, что в этом году основная работа по проекту завершена.

— В течение пяти лет члены комиссий по канонизации святых двенадцати епархий двух Митрополицие округов и независимые исследователи из шести стран — Казахстана, России, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана — трудились над заполнением базы данных, выявляли и публиковали наиболее полные и достоверные сведения о репрессированных православных верующих

Богослужение на полигоне Жана-лык под Алматы, месте массового захоронения невинно убиенных в годы репрессий

Казахстана и Средней Азии, исправляли неточности и дополняли жития. Портал «Туркестанская Голгофа» был создан, чтобы привлечь новых специалистов, сделать полученную информацию доступной для широкой аудитории.

На сайте формируется не только база данных, но также собираются литература и источники по истории Церкви в Средней Азии и Казахстане. Новый интернет-портал задуман как диалоговая площадка для проверки и обсуждения различных данных о новомучениках и исповедниках, коллективной оценки составленных биографических справок, совместного поиска достоверных фактов.

На основе базы данных «Туркестанская Голгофа» планируем издать мартиролаг, в который войдут жития святых новомучеников и исповедников, биографические данные православных верующих, пострадавших за Христа в годы безбожной власти, родившихся, служивших, совершивших исповеднический или мученический подвиг в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане.

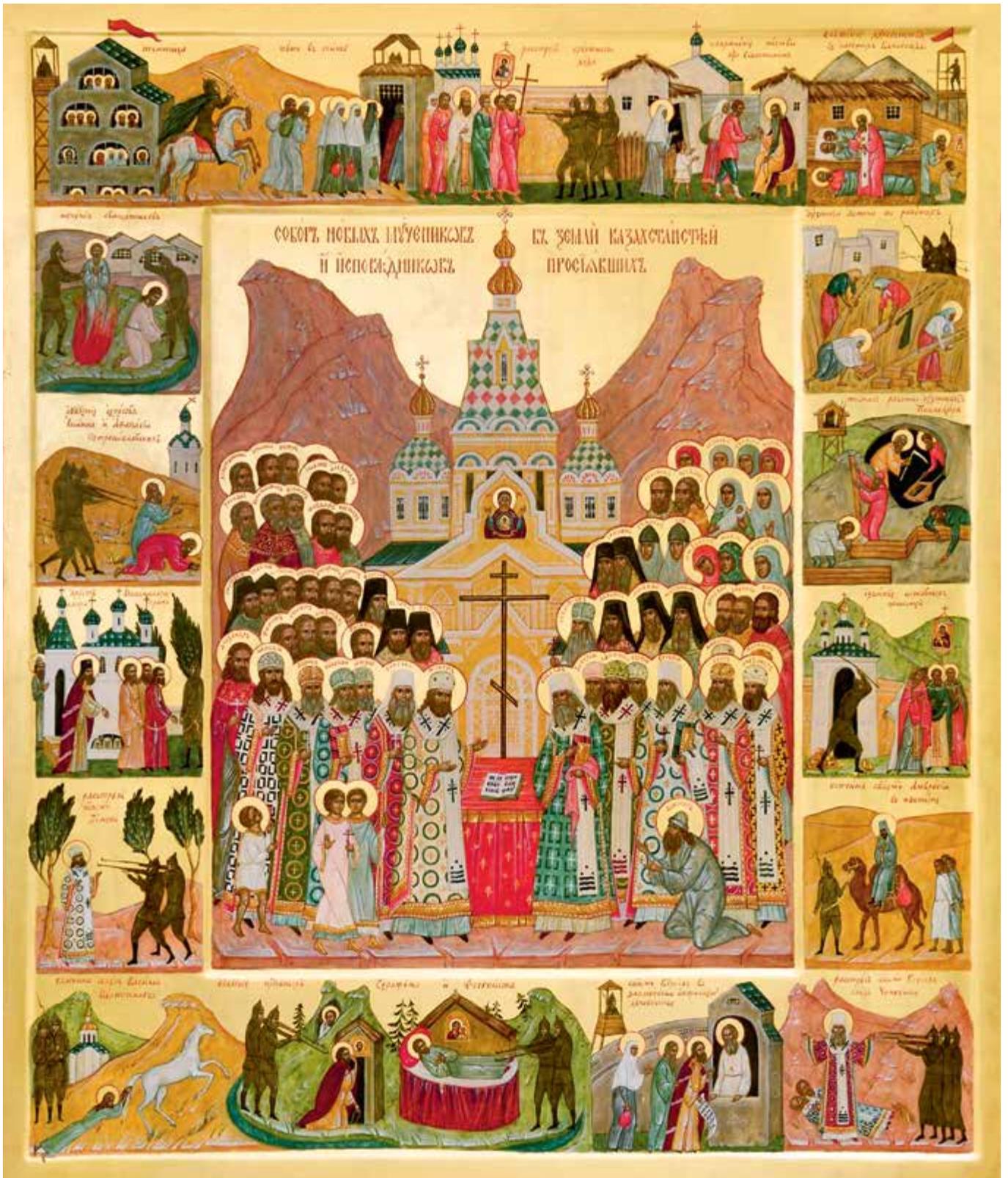
Мемориальная келья преподобно-исповедника Севастиана Карагандинского в селе Большая Михайловка под Карагандой

Пострадавшие за Христа

Составлял базу данных московский историк **Сергей Чертков**, опытный архивист, имеющий богатый исследовательский опыт, редактор биографического тома участников Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов, биограф протоиерея Валентина Свенцицкого и редактор его Собрания сочинений.

— Когда я подключился к этой работе, уже было установлено около 500 имен, в основном тех, кто был канонизирован. Сразу стало ясно, что цифра в разы больше, что речь должна идти о многих и многих тысячах. И на сегодняшний день нами выявлен 5771 человек, на сайте дана биография каждого и указаны источники информации. Это тоже не окончательное число. Все исследования по истории XX века упираются в то, что мы знаем только о реабилитированных репрессированных. О тех, кто не был реабилитирован (а это как минимум каждый третий, то есть — треть), мы ничего не знаем и не узнаем, пока архивы не будут снова открыты. Надо сказать, что в Казахстане дольше,

Икона «Собор новомучеников и исповедников Казахских»

чем в России, были открыты архивы, что дало возможность успеть выявить довольно много имен.

— По какому принципу вы отбирали имена для базы данных «Туркестанская Голгофа»?

— Это все те, кто пострадали за Христа и каким-либо образом были связаны с Казахстаном и Средней Азией: родились в этих краях, служили, отбывали ссылку. Это все те, кто так или иначе были связаны с Церковью: не только

*Поклонный крест
в память святых
новомучениц
Казахстанских,
узниц
Акмолинского
лагеря жен
изменников
Родины (АЛЖИР)*

священники, монахи и монахини, но также певчие, сторожа в храме, старосты, кто заведовал каким-нибудь церковным хозяйством. Если известно, что человек был не только прихожанином, но вел активную церковную жизнь, участвовал в церковной «двадцатке», или был ученым мужем, писавшим труды по богословию, или осужден по уголовной статье за религиозную проповедь или агитацию, таких людей мы включали. Если в допросе фигурируют прямые связи человека с Церковью, то, конечно, мы это учитывали. Также включили в базу катакомбников, старообрядцев.

В отдельный раздел вынесены репрессированные, умершие вне общения с Церковью; таких оказалось 85 человек. Это те, кто снял с себя сан или перешел в «Живую Церковь». Мы их тоже решили учесть, поскольку так или иначе это церковные, крещеные, православные люди. Мы старались очень аккуратно подавать эти сведения, поскольку о ком-то было точно известно, что он перешел в живоцерковники, а о ком-то с большей или меньшей долей вероятности. Так и с теми, кто оставил сан. Если человек, снявший сан, опубликовал в прессе, что он

больше не священник, отрекается от Христа, то мы его считаем отпавшим. В Казахстане хорошо оцифрованы газеты 1930-х годов, где в заметке об отречении звучал и донос на других людей с названием конкретных имен. Мало было отречься, надо было еще и кровью подписаться. Такие статьи подтверждали: те, на кого был сделан донос, точно жили в это время в Казахстане, были связаны с Церковью и не отреклись от нее, за что подверглись репрессиям. Мы начинали их искать, находили среди репрессированных и включали в нашу базу.

В середине 1920-х годов проходила массовая кампания против обновления икон, вплоть до судебных процессов. В центральной прессе — в «Правде», «Известиях» — публиковались заметки о том, что где-то арестованы тридцать человек по обвинению в подложном обновлении икон. Дальше мы ищем фамилии этих людей в документах и находим среди сосланных в Казахстан. А это обычные крестьяне, которые либо вступились за икону, либо были прихожанами храма. Мы таких людей тоже включали в базу данных, потому что они проходили по церковному делу, — прихожане, которые рассказывали

об обновлении икон либо начинали почитать такую икону как чудотворную. Обычно по этим делам проходили десятки человек. Тогда еще люди были не так запуганы и открыто выражали свое мнение, говорили правду. В 1930-е годы это стало уже невозможно.

Помогали архивы

— Как вы собирали информацию по каждому человеку?

— Работали в архивах. Огромное количество дел рассекречено и передано из архива ФСБ в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) в свободный доступ, который находится в Москве. Какую-то информацию получили в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Петербурге. Я был, наверное, последним исследователем-архивистом из православной среды, кого допустили в Центральный архив ФСБ России, поскольку у меня были сопровождающие бумаги от Святейшего Патриарха Кирилла.

Самое сложное — проследить дореволюционную биографию священнослужителей. Для этого надо было перечитать все региональные «Епархиальные ведомости» за 30–40 лет, которые выходили с 1860 по 1922 год в 63 епархиях Русской Церкви, и найти в них этих людей, узнать о всех их передвижениях.

Также мы активно использовали архивную базу по Первой мировой войне. Ее редко кто задействует не только из церковных историков, но и из светских тоже. А она исключительно хорошо составлена и находится в открытом доступе, поскольку выложена в интернете. В ней значатся все награжденные, все раненые, все погибшие в Первой мировой войне. А это важная информация для прояснения дореволюционного периода в биографиях осужденных. К примеру, мы узнали, сколько будущих священников прошло Первую мировую, стало героями и было награждено, а потом, уже в 1920-е годы, они приняли сан. Это очень многое говорит о человеке, который прошел войну. Что там говорить, порой выясняется, что на войне человек лишился руки и, будучи инвалидом, служил Церкви, за что был репрессирован и расстрелян.

Конечно же, задействовали базу Сергея Владимировича Волкова, самого главного нашего

историка по Гражданской войне и Белому движению, из которой узнали, что многие будущие священники воевали и в Гражданскую войну, причем с обеих сторон. И даже случалось, что в одном бою друг на друга ходили в штыковую атаку. А потом, в 1920-е годы, приняли священный сан и в 1930-е оба были расстреляны.

— А родственников репрессированных подключали к поиску?

— Да, мы дали объявление, что составляется такая база, обращайтесь. Пошли письма от родственников, они стали присылать фотографии, разные другие свидетельства, воспоминания. Кому-то из родственников удалось в 1990-е годы скопировать уголовные дела, которыми они с нами делились. Родственников репрессированных, увы, оставалось немного, в те годы вырезали под корень почти всю семью; как правило, только десять процентов оставалось в живых. Да и сколько лет прошло, уже мало кто из свидетелей дожил до наших дней. Поэтому каждое такое свидетельство бесценно.

Удалось восстановить жизнь достаточно известных людей после освобождения из заключения. Ведь обычно стандартные биографии в базах по репрессированным заканчиваются так: репрессирован, десять лет — и все. А многие из осужденных выдерживали этот срок, возвращались и жили дальше, проживали иногда долгую жизнь и участвовали в делах Церкви.

И конечно же, мы связывались с епархиями и митрополиями других государств — Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, и там нам тоже помогали. Так совместными усилиями мы эту базу составили.

Этот год добавил нового святого

— И кто составил самый большой процент репрессированных?

— Монахини, которые были осуждены в начале 1930-х годов и получили стандартный приговор — три года ссылки в Казахстан. Их около полутора тысяч. Большинство из них умирали, даже эту трехгодичную ссылку не выдерживая, потому что это был ад. А монахини в основном были пожилые. Их везли, как и всех остальных заключенных, в вагоне, предназначенном для скота, где только четыре стены и потолок. Ехали несколько суток, и десять процентов этапиремых умирали в пути. Кто

выживал, тех выбрасывали либо в чистое поле, либо в какой-то маленький населенный пункт. Ни работы, ни зарплаты, никакого обеспечения. Живи как хочешь, на голой земле. Добрые люди кого-то приютили, а кто-то строил из коровьего помета укрытия и жил в них. Две трети умирали в первые же годы ссылки.

Те, кто выживал, получали второй срок. Но как минимум треть из них возвратились из этих ссылок и продолжили жить церковной жизнью и в 1940-е, и в 1950-е годы.

— **Какие были сложности в уточнении биографических данных?**

— Нередко в биографиях осужденных встречается ошибка в приговоре. Написано, что три года ссылки в Казахстан. Начинаешь разбираться и выясняешь, что в итоге человек был сослан на Север, в Архангельск. В те годы нередко случалось, что приговор менялся с юга на север, как и наоборот. Человека приговаривают к ссылке в Казахстан, но казахстанская территория, предназначенная для заключенных, переполнена, и приговор переиначивали и отсылали в другое место, как правило, на Север — в Архангельск, в Мурманск.

— **Такого количества новомучеников, как в Казахстане, наверное, нет больше нигде?**

— Да. В Сибири, к примеру, значительно меньше. Это и объяснимо. Сибирь была отведена для депортации в период коллективиза-

ции в конце 1920-х — начале 1930-х годов, туда ссылали больше крестьян, кулаков, а в Казахстан — больше верующих.

В августе этого года прославили нового святого — протоиерея Василия Носова. Его канонизировала Челябинская митрополия, поскольку он там служил и пострадал за веру. Но мы его тоже считаем своим, казахстанским, поскольку до революции он служил в Кустанайском уезде. Поэтому внесли его в базу данных «Туркестанской Голгофы».

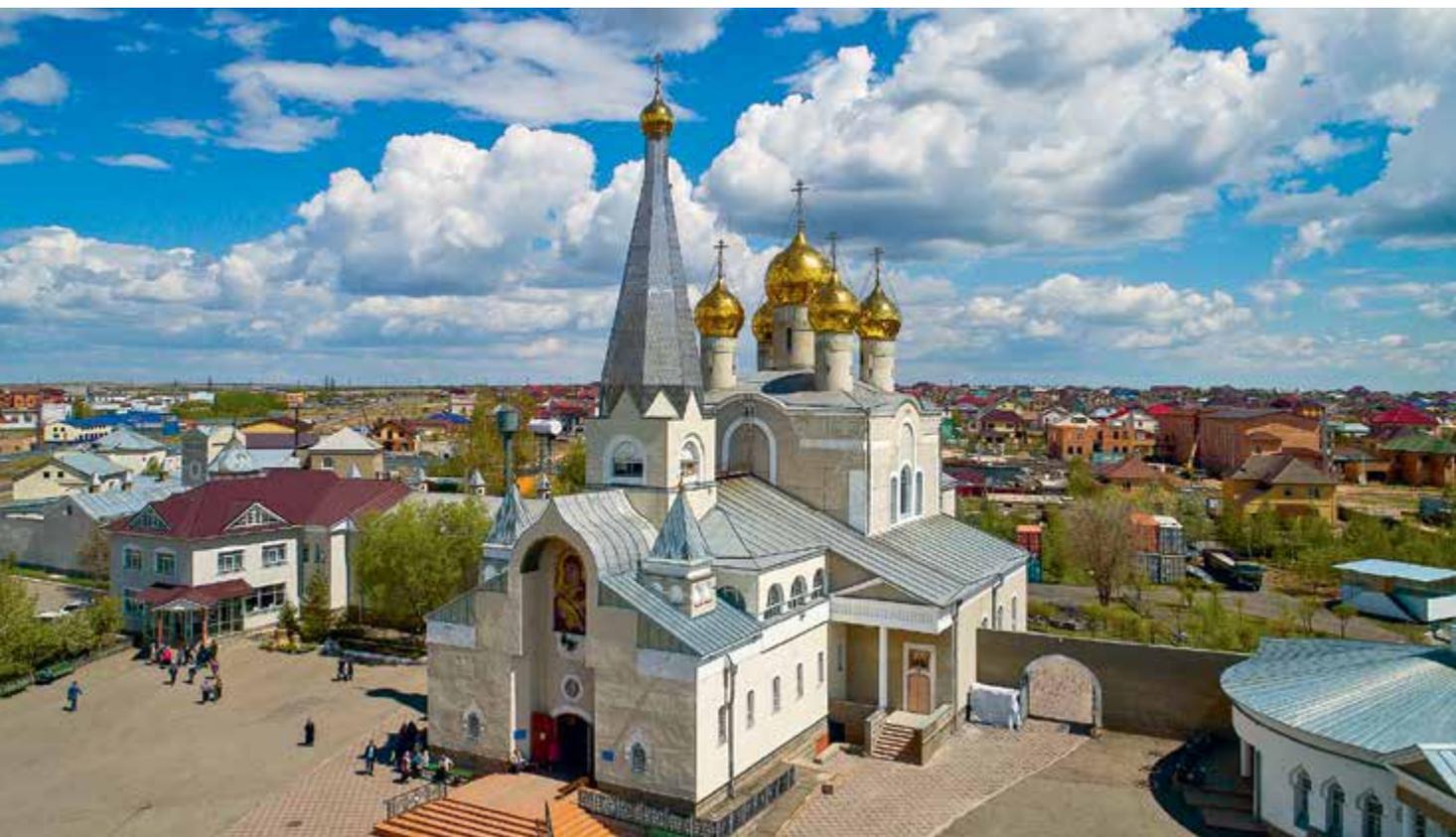
— **Есть ли у вас запомнившиеся судьбы осужденных?**

— Как правило, когда я работал над базой, мой рабочий день складывался так: я садился с утра за компьютер и в девять вечера вставал из-за него и шел рассказывать семье о том, что меня поразило и потрясло. И это было почти каждый день. Чего только стоят истории о том, как будущие священники воевали! Запомнилась одна фантастическая биография, когда человек трижды бежал — два раза с этапа, один раз из зоны — и каждый раз попадался. Таких историй очень много. Можно книгу писать.

Елена АЛЕКСЕЕВА
Москва — Алматы

*Введенский собор
г. Караганды*

¹ Саман — строительный материал из смеси глинистого грунта, соломы, песка и воды.

Глава Митрополичьего округа Русской Православной Церкви в Республике Казахстан митрополит Астанайский и Казахстанский Александр

Время гонений XX столетия явило миру сонм мучеников, исповедников и подвижников благочестия, которые воплотили своей жизнью высочайший нравственный идеал христианства и дали нам образец нравственного совершенства, мужества, незамутненного видения вечного смысла жизни. Их жизнь, их твердое стояние за веру явились солью земли (см. Мф. 5, 13) и светом миру (см. Мф. 5, 14), помогли Церкви пройти этот исторический отрезок времени.

Собор Казахстанских новомучеников и исповедников объединил в себе верных сынов и дочерей нашей Церкви из самых разных губерний бывшей Российской империи — от Балтики и Черного моря до Тихого океана. В мартирологе Великой степи содержатся имена таких известных иерархов, как митрополит Казанский Кирилл (Смирнов) — негибимый, бескомпромиссный

борец за святость и чистоту Православия; архиепископ Симферопольский Лука (Войно-Ясенецкий) — хирург с мировым именем, профессор медицины, лауреат Сталинской премии, автор многих уникальных научных работ; архиепископ Костромской Никодим (Кротков), архиепископ Омский Алексей (Орлов), архиепископ Воронежский Захария (Лобов), епископ Липецкий Уар (Шмарин), епископ Ивановский Борис (Воскобойников), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), архиепископ Херсонский Прокопий (Титов), епископ Подольский Амвросий (Полянский) и многие другие. Где бы ныне ни жил православный христианин — в Центральной России, на Дальнем Востоке или в Сибири, на Украине, в Прибалтике, Беларуси, — с Казахстаном его епархию, приход, родной храм особым образом всегда будет связывать имя того или иного страдальца Христова, пролившего на этой земле свою кровь или отбывавшего здесь тюремные сроки в ссылках и лагерях.

Землю Казахстана без всякого преувеличения можно назвать благословенной. Ставшая местом мученического свидетельства о Христе сотен тысяч верующих, обогреть кровью страдальцев, омытая слезами невинно осужденных и напоенная потом подвижников, наша страна стала духовной сокровищницей Православной Церкви. По словам преподобного старца Севастиана (Карагандинского), «день и ночь здесь, на этих общих могилах мучеников, горят свечи от земли до неба».

На благословенной земле Казахстана любое церковное торжество и каждый православный праздник неразрывно соединены с памятью о тысячах новомучеников и исповедников Русской Православной Церкви, претерпевших в XX столетии здесь страдания за Христа. Страдальцы Христовы — иерархи и священники, иноки и миряне — несли свет Пасхи в мрачные тюремные застенки, распространяли его на просторах карагандинских степей и в ущельях Алатау, щедро делились им с озлобленными и отчаявшимися душами, открывали его и тем, кто прежде не слышал благовестие Христово. И ныне, в полноте наслаждаясь созерцанием этого света, они призывают нас разделить их блаженство.

Воинствующее безбожие породило тюрьмы и концентрационные лагеря, пытки и издевательства, в жертву атеистическому режиму приносились миллионы безвинных жизней. Но в последних незакрытых православных храмах, в домах верующих, в камерах и бараках продолжала возноситься молитва Богу, звучали слова Священного Писания, служилась Божественная литургия. В окружении духовной тьмы и преступной немoty вероотступничества, в окружении ужасов лагерей и лжесвидетельств Церковь жила и несла свой неугасимый светильник веры.

Чтить память святых мучеников — не только священная обязанность христианина, но и благодатная возможность воспользоваться плодами их самоотверженного подвига, стяжать их добродетели, главная из которых — любовь к Богу и ближнему. Не будем пренебрегать этой возможностью.